

Д. М. БУЛАНИН

Троянская тема в житии Михаила Клопского

Житие Михаила Клопского — один из самых замечательных памятников новгородской литературы давно уже привлекает внимание славистов. Благодаря монографическому исследованию Л. А. Дмитриева мы неплохо представляем себе его историю. Развитие текста определяется следующими веками. Наиболее ранняя редакция Жития датируется 1478—1479 гг. В первоначальном виде она не сохранилась, но может быть надежно реконструирована на основании двух ее вариантов (А и Б), восходящих к общему протографу и отличающихся один от другого набором эпизодов. Контролем при реконструкции служит вторая редакция, восходящая к тому же утраченному протографу и датирующаяся 1490-ми гг. По-видимому, она создавалась по указанию архиепископа Геннадия. Автор ее пытался привести первоначальную редакцию в соответствие с агиографическим каноном: он частично заменяет разговорную лексику, оснащает текст цитатами из Священного Писания, вкладывает в уста святого молитвенные обращения. Однако правка не была проведена последовательно, и Житие не избавилось до конца от наполнявшей его народно-поэтической стихии. В переработке не упорядоченного с точки зрения нормативной поэтики текста гораздо большую последовательность проявил автор третьей редакции — Василий Михайлович Тучков. Его труд и будет предметом нашего внимания. Под пером агиографа совокупность разрозненных рассказов и легенд о Михаиле, которые составляли первоначальное Житие, сложилась в последовательное и стройное повествование со вступлением, похвальным словом и посмертными чудесами. Редакция Тучкова написана правильным церковнославянским языком и украшена теми цветами риторики, которые привились в русской агиографии после сочинений Пахомия Логофета.¹

Вниманием исследователей пользовалась до сих пор только древнейшая редакция. Причина тому — в художественных особенностях текста, в его несоответствии жанровым канонам, в удивительной для средневековой эпохи близости его к устным легендам, которыми народная память окружила новгородского юродивого. Занимавшихся Житием подкупал и демократизм авторской позиции. Выражая общее мнение, А. С. Орлов писал, что «это житие замечательно и как красочный отзвук исторической действительности, и как художественный памятник живого языка».² Последующая история Жития представлялась исследователям как прискорбная утрата его перво-

¹ Повести о житии Михаила Клопского / Подгот. текстов и статья Л. А. Дмитриева. М.; Л., 1958.

² Орлов А. С. Древняя русская литература XI—XVII веков. М.; Л., 1945. С. 194.

начальных достоинств. «Живой, яркий рассказ, изобилующий меткими фразами, дерзкими репликами Михаила, рассказ, в котором все жило, сверкало, превратился в сухое, многословное, статичное повествование», — таков результат сравнения древнейшего Жития с редакцией Тучкова.³ Современное эстетическое сознание ищет в искусстве оригинальности и новизны. Для средневековой эстетики эффект неожиданности не представлял ценности, она оперировала другими категориями, и это хорошо видно по тому, как воспринимались разные редакции Жития Михаила Клопского. По убеждению древних книжников, первоначальное безыскусное Житие не может сравниться с замечательным своей риторической отделкой сочинением В. М. Тучкова. Этому сочинению посвятил несколько восторженных строк современный летописец, резко противопоставивший труд Тучкова первоначальной редакции: «И прежде бо написано бысть, но непрестанно и не-явлено, сиречь велми просто, поне же бо егда сего святого Михаила явление бысть, и житие, и чудеса, тогда человецы в Новеграде еще быша не велми искусни божественнаго писания. Сей же вышереченный Василей, по благословиению пресвященнаго архиепископа Макария, ветхая понови и распространи явление, житие и чудеса преподобнаго, и все по чину постави и велми чудно изложи. И аще кто прочет, сам узрит, како ветхая понови и колми чудно изложи».⁴ Если мы хотим понять поэтические особенности Тучковской редакции, нам придется отказаться от современных эстетических стереотипов и взглянуть на нее глазами современников.

Весьма сдержанно отзываясь о художественных достоинствах тучковского сочинения, ученые неизменно подчеркивают незаурядную начитанность писателя. В подтверждение обычно ссылаются на тот фрагмент Жития, где чудеса святого сравниваются с подвигами античных героев. Этот фрагмент я и выношу на обсуждение: «Слышах бо некогда книгу прочитаему Тройскаго пленения, в ней же многия похвалы плетены еллином от Омира же и Овидия. И аще убо единыя ради буйственныя храбрости толиких похвал сподобишася, яко незглажанне памяти их долговременством преходных лет, но аще и храбр Еркул, но и в нечестия глубине погружашеся, и тварь паче Творца почиташе, тако же и Аххил и Тройскаго царя Приама сынове вси, еллини суще и от еллин похваляеми, толики прелестныя сея славы сподобишася, колми паче мы долъжни похваляти же и почитати святых, и преблаженных, и великих наших чудоделателей, иже толику победу на врага показавше и толику благодать от Бога приемше, яко не токмо человеком, но и аггелом сих почитающим и славящим».⁵ Использованное Тучковым сравнение обычно расценивается как свидетельство неплохой осведомленности книжников XVI в. в античной мифологии, как пример более терпимого, сравнительно с предшествующей эпохой, к ней отношения.⁶ Писавшие о Тучковской редакции не задавались вопросом, какова функция приведенного фрагмента в рамках всего Жития. Между тем функциональный анализ имеет то несомненное преимущество, что он связывает воедино отдельные элементы памятника. Сравнение с античными героями может

³ Дмитриев Л. А. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Эволюция жанра легендарно-биографических сказаний. Л., 1973. С. 198.

⁴ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. 6. С. 301.

⁵ Повести о житии... С. 164—165.

⁶ См., например: Балухатый С. Переводы кн. Курбского и Цицерон // Гермес. 1916. Т. 18. № 5—6. С. 110; Повести о житии... С. 73; Алексеев М. П. Явления гуманизма в литературе и публицистике Древней Руси (XVI—XVII вв.). М., 1958. С. 33; Радциг С. И. Античное влияние в древнерусской культуре // Вопросы классической филологии. М., 1971. Вып. 3—4. С. 46; Буланин Д. М. Античные традиции в древнерусской литературе XI—XVI вв. München, 1991. С. 273—274 (Slavistische Beiträge. Bd 278).

оказаться не обособленным литературным фактом, а необходимой частью художественной структуры. Индивидуальное может оказаться этикетным.

Сами обстоятельства, при которых появилась Тучковская редакция, побуждают толковать интересующее нас сравнение в связи с особенностями житийного канона. В Житии рассказывается, что писатель взялся за дело в 1537 г., причем к работе его подвиг новгородский архиепископ Макарий, составитель знаменитого свода древнерусской книжности — Великих Четых Миней. Для этого свода и предназначалось тучковское Житие, входя в общую программу переработки древнерусской агиографии с целью устранить из нее следы народного бытования текстов и привести их в соответствие с установленной жанровой схемой. История агиографии знает и другие унифицирующие мероприятия, например житийный сборник Симеона Метафраста. Такие энциклопедии, как сборники Макария и Метафраста, сходны в следующем: по своей природе они выделяют в жанре все типическое и сглаживают все индивидуальное.

Присущая средневековой эпохе сакрализация слова развила у литературных деятелей специфическое отношение к своему труду, который воспринимался как религиозный подвиг. Этого отношения требовали, в особенности, жанры духовной письменности, среди которых агиография занимала не последнее место. Составить житие можно было только при участии божественной благодати, а она давалась за христианские добродетели. Неудивительно, что основной корпус древнерусских житий написан иноками. В этой связи немаловажен тот факт, что В. М. Тучков — мирянин.⁷ Написание столь совершенного Жития светским лицом повергает в изумление цитировавшегося летописца: «И како не удивимся Божия благодати, поне же от самодержавнаго царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси и его матере, благочестивой великой княгини Елены, от многоценных их и царския палаты сей храбрый воин, прежеписанный Василей светлое око, и всегда во царских домах живый, и мягкая нося, и подружие законно имея, и селика разумия от Господа сподобися!».⁸ Учтем, что Житие Михаила Клопского — первый и, насколько мы знаем, единственный опыт писателя в агиографическом жанре. На агиографическом поприще автор Жития Михаила Клопского представляет такой психологический тип, как неофит. Одно из характерных свойств неофита заключается в максимализме, который он проявляет на новой для него стезе. Он больший роялист, чем сам король. Мы вправе думать, что В. М. Тучков приложил все силы, приравливая свое сочинение к жанровому канону, утвердившемуся в русской агиографии XVI в.

Что же значит для этого канона интересующее нас сравнение с античными героями? Начнем с указания на источник фрагмента, определить который помогает сам автор, ссылающийся на какую-то историю Троянской войны: «Слышах бо некогда книгу читаемому Тройскаго пленения». Установлено, что «книга», которой пользовался Тучков, — это перевод латинского романа «История разрушения Трои». Роман написан сицилийским поэтом XIII в. Гвидо де Колумна, а перевод его приурочивают

⁷ Не ставя перед собой цели излагать биографию агиографа, отмечу один факт, ускользнувший, кажется, от исследователей его жизни и творчества (сводку данных см.: Словарь книжников. Вып. 2, ч. 2. С. 446—448). Как сообщают списки погребенных в Кирилло-Белозерском монастыре, составитель Жития Михаила Клопского нашел вечный покой в его стенах (Никольский Н. Кирилло-Белозерский монастырь и его устройство до второй четверти XVII века (1397—1625). СПб., 1897. Т. 1, вып. 1. Приложение 4. С. LI, LV, LVII). ПСРЛ. Т. 6. С. 301.

к Новгороду и датируют концом XV или началом XVI в.⁹ «История» Гвидо де Колумна — весьма популярное, но не единственное произведение на троянскую тему в древнерусской письменности. Ко времени жизни Тучкова в нее проникло еще несколько рассказов о Троянской войне. Это соответствующие разделы хроник Иоанна Малалы и Константина Манассии, а также вставленная в некоторые списки последней южнославянская «Притча о кралех». На основе рассказа Манассии и «Притчи о кралех» специально для Русского Хронографа была составлена «Повесть о создании и полении Тройском». В течение ближайшего столетия к перечисленным произведениям, которые были доступны Тучкову и его современникам, добавился перевод Хроники Мартина Бельского, содержащей троянский сюжет, и основанная на нем «Повесть о златом руне волшебного овна», читающаяся в Хронографе редакции 1617 г.¹⁰ Об активном читательском восприятии троянской истории свидетельствуют и более поздние компиляции того же круга источников.¹¹

Объясняя устойчивый интерес древних книжников к троянской теме, мы должны вспомнить следующее. Для славян, как и для всей средневековой Европы, события Троянской войны относились не к мифологическому наследию древних, а к достоверным фактам человеческой истории. Греческий Восток и латинский Запад черпали свои сведения о троянском взятии не из поэм Гомера, а из эллинистических произведений, приписанных участникам войны — Диктису Критянину и Даресу Фригийцу. Если первый из них в своем «Дневнике Троянской войны» отражал интересы осаждавших город греков, то второй в «Истории о падении Трои» проводил протроянскую тенденцию. Признавая поэтические достоинства гомеровского эпоса, средневековые отказало ему в исторической значимости. Место троянской эпопеи в средневековой историософии было предопределено псевдоисторическими сочинениями Диктиса и Дареса, бесчисленные переработки которых распространились по всей Европе.¹² Происхождение славянских версий из латинского или греческого источника не имело принципиального значения, ибо их фактическая основа была одинакова. Устранение из троянской истории мифологического элемента, играющего важную роль в поэмах Гомера, является характерной особенностью сочинений Диктиса и Дареса, и эта особенность была унаследована от них славянскими версиями.¹³ Историческая интерпретация событий позволила троянской теме упрочиться в славянской средневековой письменности, категорически отвергшей античную мифологию как изобретение нечестивых язычников.¹⁴

Став реальным эпизодом человеческого прошлого, Троянская война приобщилась к сфере сакрального. С первых самостоятельных шагов христианской исторической мысли она преследовала апологетические цели, демонстрируя телеологичность развития мира. Для христианина нет истории в отрыве от Бога, Который раскрывает в ней Свою заботу о человеческом

⁹ Геппенер Н. В. К истории перевода повести о Трое Гвидо де Колумна // Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности акад. А. С. Орлова. Л., 1934. С. 351—360.

¹⁰ См.: Творогов О. В. Троянские сказания в древнерусской литературе // Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII веков. Л., 1972. С. 148—160.

¹¹ См., например: Творогов О. В. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 228—241.

¹² См., например: Dunger H. Die Sage vom trojanischen Kriege in den Bearbeitungen des Mittelalters und ihren antiken Quellen. Leipzig, 1869.

¹³ Творогов О. В. Античные мифы в древнерусской литературе XI—XVI вв. // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. 33. С. 20.

¹⁴ Буланин Д. М. Античные традиции... С. 24—35.

роде. Основная задача хрониста заключалась в том, чтобы соединить судьбы богоизбранного народа Израиля и языческого Рима с центральным событием христианской истории — явлением Мессии. Выход был найден в теории четырех царств, из которых каждое приходит на смену предыдущему, и эта череда венчается Римской империей, обеспечившей учению Спасителя вселенское торжество. В предысторию Римской империи помещалась и Троянская война, один из участников которой — Эней стал основателем вечного города.¹⁵ В этой исторической схеме троянское взятие — не только законное, но и сакральное звено, как всемирный потоп или вавилонское столпотворение. Соседство со священной историей освящало рассказ о подвигах греков и троянцев. В первом томе знаменитого Лицевого свода, где помещены «История» Гвидо де Колумна и «Повесть о создании и поплнении Тройском», они находятся в окружении библейских книг.¹⁶ Представление о большей ценности библейской истории в сравнении с языческой связано с распадом средневекового мировидения. Франциск Скорина, человек гуманистической культуры, уже не мог поставить в один ряд библейские события и Троянскую войну: «Аще ли же кохание имаши ведати о военных а о богатырских делех, чтї Книги Судей или Книги Махавеев — более и справедливее в них знайдеш, нежели во Александрии, или во Тройи».¹⁷

Ответственное место, отводившееся Троянской войне в исторических представлениях славянских книжников, будет видно, если обратиться к оригинальным историческим сочинениям, содержащим троянские мотивы. Они обнаружены в следующих текстах:

1. К истории войны греков и троянцев дважды отсылает Житие деспота Стефана Лазаревича, написанное Константином Костенечским. Житие во многом не соответствует агиографическому канону, оно синтезирует жанровые особенности жития святого и исторического сочинения. О том, как «жены ради Менелаевы елини Трою разориша», Константин вспоминает, утверждая, что деспот привлекал к себе людей разумом, а не оружием. Имя Гомера, сочинителя «бытия Троадскааго еллином», появляется в той главе, где говорится о множестве врагов, ожидавших возвращающегося в Сербию деспота.¹⁸ Источник троянских мотивов в Житии Стефана Лазаревича, к сожалению, неизвестен.

2. В Повести о взятии Царьграда Нестора Искандера дважды проводится параллель между Троей и Константинополем. Когда император Константин искал место для создания города, «он же болма прилежааше мыслию на Трояду, иде же и всемирная победа бысть греком на фряги». В конце Повести говорится, что султан «потреби потребивших Троию предивну и семьюдесяти и четьрма крали обраняему».¹⁹ По мнению А. С. Орлова, эти намеки на Троянскую войну восходят к «Истории» Гвидо де Колумна.²⁰ При их толковании нужно учитывать принятую в XV в. идентификацию

¹⁵ Jeffreys E. M. The Attitudes of Byzantine Chroniclers toward Ancient History // Byzantion. 1979. Vol. 49. P. 228.

¹⁶ Шепкин В. Н. Лицевой сборник императорского Российского исторического музея // ИОРЯС. 1899. Т. 4, кн. 4. С. 1345—1385.

¹⁷ Франциск Скарыйна. Прадмовы і пасляслоўі. Мінск, 1969. С. 63.

¹⁸ Куев К., Петков Г. Събрани съчинения на Константин Костенечки. София, 1986. С. 378, 390. Ср. с. 377, где Милица, мать деспота, сравнивается с «многим в советех» Одиссеем.

¹⁹ ПЛДР. Вторая половина XV века. М., 1982. С. 216, 264.

²⁰ Орлов А. С. Повесть кн. Катырева Ростовского и Троянская история Гвидо де Колумна // Сб. статей в честь Матвея Кузьмича Любавского. Пг., 1917. С. 74.

турок и троянцев, из которой следовало, что пленение Константинополя — это реванш за поражение в Троянской войне.²¹

3. «Казанская история» рассказывает, что царь, собираясь выступить против Казани, ревновал славе князя Святослава, который брал дань с греков, «победивших древле Трою предивную». Другая троянская реминисценция «Казанской истории» настолько завуалирована, что не была выявлена до недавнего времени. Речь идет о казанских женщинах, которые, убеждая своих сыновей предаться московскому царю, обнажали грудь и восклицали: «О милая наша чада! Помяните болезни наша, еже родяще вас подъяхом и пища млечныя!».²² Как установил А. С. Орлов, автор «Казанской истории» взял этот эпизод из Хронографа. Там он находился в компилятивной «Повести о создании и поплнении Тройском»: удерживая Гектора от сражения с Ахиллесом, Гекуба поступает так, как поступали казанские женщины.²³ Поскольку в основных источниках Повести этот эпизод отсутствует, высказывалось предположение, что он восходит непосредственно к «Илиаде» (XXII, 80).²⁴ Предположение не подтвердилось: составитель Повести воспользовался в данном случае толкованиями Никиты Ираклийского на одну из гомилий Григория Богослова.²⁵

4. Троянские аналогии — обычный художественный прием в произведениях о Смуте. В их числе знаменитое Сказание Авраамия Палицына. Смерть князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского наводит троичского келаря на размышления о большей губительности нынешних войн по сравнению с войнами древних: «Достойны убо похвалы в еллинех Ектор и Ахилл, но не видеша на себе пушаема стреляния силы». Кроме того, «Троя предивная» упоминается в ряду городов, погибших за свои беззакония.²⁶ Полагают, что троянские реминисценции Палицына восходят к «Истории» Гвидо де Колумна.²⁷

5. Троянская тема присутствует во «Временнике» Ивана Тимофеева. Он вспоминает Трою в главе «О таборах», рассказывающей о появлении под Москвой второго самозванца. Хотя Троя и находилась «во тме прелести», пишет автор, ее взятие до сих пор оплакивают. Насколько больше пришлось бы сокрушаться о православной державе, если бы Бог допустил ее падение.²⁸ Не исключено, что с этим уподоблением связано полубившееся Тимофееву наименование «еллинами» шведов, захвативших Новгород.²⁹ Считается, что Тимофеев знал о Троянской войне из «Истории» Гвидо де Колумна.³⁰ Сравнение с троянским взятием делало Смуту одним из узловых моментов в судьбе человечества. Не случайно читателю «Временника» предлагалось

²¹ Dunger H. Die Sage vom trojanischen Krieger... S. 5, Anm. 1.

²² ПЛДР. Середина XVI века. М., 1985. С. 444, 502.

²³ Орлов А. С. Хронограф и «Повесть о Казанском царстве» // Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского. Л., 1928. С. 189—190 (СОРЯС. Т. 101, № 3). См.: ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22, ч. 1. С. 222.

²⁴ Творогов О. В. Античные мифы... С. 22.

²⁵ Буланин Д. М. Античные традиции... С. 162.

²⁶ Сказание Авраамия Палицына / Подгот. текста и коммент. О. А. Державиной и Е. В. Колосовой. М.; Л., 1955. С. 206, 212.

²⁷ Хрипков В. Ф. «Троянская история» Гвидо де Колумна в древнерусской литературе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1990. С. 8.

²⁸ «Временник» Ивана Тимофеева / Подгот. к печати, пер. и коммент. О. А. Державиной. М.; Л., 1951. С. 124—125.

²⁹ Предположение об ассоциативной связи с троянской темой ослабляется тем, что во «Временнике» можно подметить другой — конфессиональный принцип употребления слова «еллин». В то время как поляков-католиков Тимофеев называет латинянами, слово «еллин» он удерживает для лютеран, применяя его не только к шведам, но и к датскому принцу Магнусу («Временник»... С. 23).

³⁰ Хрипков В. Ф. «Троянская история»... С. 8.

вспомнить и другие события, самые важные для христианской историософии, — пленение Иерусалима римлянами³¹ и падение Царьграда.³²

6. Больше, чем другие произведения о Смуте, насыщена троянскими мотивами «Летописная книга», которая приписывалась разным авторам, в том числе И. М. Катыреву-Ростовскому и С. И. Шаховскому. Значительная ее часть состоит из фрагментов, заимствованных из той же «Истории» Гвидо де Колумна. Наличие специальных работ, посвященных взаимоотношению двух текстов, избавляет меня от необходимости перечислять заимствования.³³

7. «История об отцах и страдальцах соловецких», сочинение выговского писателя Семена Денисова, открывается развернутым сравнением троянской брани, которую описал «древний из творцев Омир», и осады Соловецкого монастыря. По ходу повествования автор еще раз вспоминает о троянских событиях, сравнивая Феоктиста, впустившего в монастырь врагов, с предателями Энеем и Антенором. По-видимому, обе реминисценции восходят к московскому изданию 1709 г., содержащему сокращенный вариант «Истории» Гвидо де Колумна.³⁴

8. Сравнение героев Троянской войны с поборниками благочестия присутствует еще в одном выговском произведении, повествующем о Елунской гари и принадлежащем тому же Семену Денисову или другому писателю Выга — Трифону Петрову. На этот раз старообрядческие мученики сопоставляются не с троянцами, а с осаждающими их данайцами.³⁵ Можно думать, что источник сравнения — тот же, что в предыдущем сочинении.

Приведенные факты говорят о том, что осада и взятие Трои служили для средневековых писателей исторической парадигмой, помогавшей им понять значение современных происшествий. О значимости этой парадигмы позволяет судить то обстоятельство, что троянские аналогии часто ставятся в начальную часть произведения, становясь тем самым «тематическим ключом».³⁶ Троянской темой открывается пространная редакция «Летописной книги» (эта редакция сейчас признается древнейшей), она внесена в зачин выговских повестей. Сопоставление с Троянской войной облегчалось сходством ситуации — в тех случаях, когда речь шла об осаде города или крепости. Но этим дело не ограничивалось.

Троянская парадигма служила символическим фоном для рассказа о падении царства как основной единицы исторического времени. Таковы турецкие победы на Балканах. Таково падение Царьграда. Таково завоевание Казани, в которой московские идеологи видели источник монаршего достоинства. Та же парадигма прилагалась к государственному кризису начала XVII в., чуть было не закончившемуся гибелью всей страны. Известно, что литература Выга строго придерживалась исторических и поэтических традиций древнерусской письменности.³⁷ Проецируя на Троянскую войну столкновения своих единомышленников с государством, вы-

³¹ «Временник»... С. 14, 78, 164.

³² Там же. С. 68.

³³ Орлов А. С. Повесть... С. 73—98; Серова И. Ю. «Летописная книга» Катырева-Ростовского и «Троянская история» Гвидо де Колумна // ТОДРЛ. Л., 1989. Т. 42. С. 107—114.

³⁴ ПЛДР. XVII век. Кн. первая. М., 1988. С. 155, 169, ср. с. 626.

³⁵ Мальцев А. И. Неизвестное сочинение С. Денисова о Тарском «бунте» 1722 г. // Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск, 1982. С. 228, ср. с. 224.

³⁶ Ср.: Picchio R. The Function of Biblical Thematic Clues in the Literary Code of «Slavia Orthodoxa» // Slavia Hierosolymitana. 1977. Vol. 1. P. 1—31.

³⁷ Понырко Н. В. Кирилло-Епифаниевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29. С. 169; Буланин Д. М. Несколько параллелей к главам III—IV Жития Константина-Кирилла // Кирило-Методиевские студии. София, 1986. Кн. 3. С. 106.

говские литераторы возводили события местного значения в ранг мировых катаклизмов. Символическое прочтение Троянской истории видно, между прочим, из того, что ее факты не подвергаются односторонней оценке: предметом сопоставления могли служить и троянцы, и враждебные им греки. Для средневекового историка символический смысл был выше аллегорического. Провиденциализм теснил нравоучение и позволял писателям использовать одни и те же образы, шла ли речь о падении царства нечестивых (Казань) или твердыни православия (Константинополь). Во всемирно-исторической драме до некоторых пределов нет правых и виноватых, потому что возвышение и гибель царства происходят по воле божественного промысла.³⁸

Все сказанное убеждает нас, что присутствие троянского мотива в Житии Михаила Клопского ничуть не шокировало его читателей. Однако функция мотива все еще не раскрыта. Ведь житие — это не история, а назидательный рассказ о жизни святого в совокупности с его похвалой. Взаимоотношение жизнеописания и похвалы не было устойчивой пропорцией на разных этапах развития жанра. Тесную связь жития и энкомия отмечают в византийской литературе, поставившей славянам поэтические образцы.³⁹ Что касается славянской письменности, то воздействие на житие торжественного красноречия особенно усиливается с XIV в., в период расцвета орнаментальной прозы. Вся последующая славянская агиография должна изучаться в связи с историей энкомия.⁴⁰ Украшенное житие XVI в., каким является Тучковская редакция, — это риторический, а не исторический жанр.

Перенос троянского мотива в произведение риторического характера принципиально меняет его функцию. Здесь он вступает во взаимодействие с важнейшей для агиографии агонической и воинской топикой. Использование терминологии спорта в сфере интеллектуальной деятельности получило широкое распространение еще в античную эпоху.⁴¹ Узаконенная в христианской литературе посланиями апостола Павла,⁴² агоническая лексика стала обязательным украшением житий: подобно атлету, святой вступал в состязание с видимыми и невидимыми силами зла и, одолев их, украшался венком победителя.⁴³ С плетением венка победителю агона связывают выражение «плести слово», ставшее обозначением целой литературной школы.⁴⁴ Заметим, что этим именно выражением пользуется Тучков,

³⁸ Плеханова М. Б. Казань и Царьград. О монтаже источников в «Казанской истории» // Монтаж. Литература. Искусство. Театр. Кино. М., 1988. С. 190—213.

³⁹ Mertel H. Die biographische Form der griechischen Heiligenlegenden. Diss. München, 1909; Alexander P. Secular Biography at Byzantium // Speculum. 1940. Vol. 15. P. 194—209.

⁴⁰ Alissandratos J. Medieval Slavic and Patristic Eulogies. Firenze, 1982 (Studia Historica et Philologica: T. 14. Sectio Slavica. T. 6).

⁴¹ Зайцев А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII—V вв. до н. э. Л., 1985. С. 128—148.

⁴² Grigiewicz F. Metaphores sportives chez St. Paul // Roczniki teologiczno-kanoniczne. 1960. T. 7, zes. 3; Pfitzner V. C. Paul and the Agon Votif. Traditional Athletic Imagery in the Pauline Literature. Leiden, 1967 (Novum Testamentum. Supplementum. T. 16).

⁴³ Delehaye H. Les passions des martyrs et les genres littéraires. 2 éd., revue et corrigée. Bruxelles, 1966. P. 153—154 (Subsidia hagiographica. № 13B).

⁴⁴ Фрайдак Д. К сущности и предпосылкам стиля «плетения словес» // Търновска книжовна школа. Т. 2. Ученици и последователи на Евтимий Търновски. София, 1980. С. 89—90. Связь выражения «плести слово» с терминологией спорта не противоречит его описанию как особой стилистической манеры, роднящей поэзию и прозу. См.: Матхауэрова С. I) «Слагати» или «ткати»? (Спор о поэзии в XVII в.) // Культурное наследие Древней Руси. Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 195—200; 2) Древнерусские теории искусства слова. Прага, 1976. С. 87—90; Лозовая И. Е. «Слово от словес плетуще сладкопение» // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 2. XVI—начало XVIII веков. М., 1989. С. 388—391.

вспоминая «Историю разрушения Трои» («многия похвалы плетены елином от Омира же и Овидия»).

Святой одерживает победу не только на палестре, он ополчается на врагов на поле брани.⁴⁵ Образы воинской службы также восходят к новозаветным текстам, наиболее важные из которых — послания апостола Павла: Второе послание к Коринфянам (10, 3—6), Послание к Ефессянам (6, 10—17), Второе послание к Тимофею (2, 3—5).⁴⁶ Эти образы занимают ответственное место в поэтическом арсенале христианских авторов: все человеческое бытие представлялось непрерывным сражением (*militia christiana*), а святые — главными его героями.⁴⁷ Реализацию этой метафоры мы находим в культе святых воинов.⁴⁸ Перед лицом врага мученик отказывается от физического сопротивления, отдаваясь мысленной брани с нечестивцем, еретиком или преисподними силами.⁴⁹ Сопоставление святого и воина часто выражается отрицательным параллелизмом, подчеркивающим несоизмеримость заслуг того и другого. Так поступает Феодосий Печерский в «Поучении о тръпении и милостыни», подвигая братию на иноческие труды: «Рати бо належаци и трубе воинстей трубящи, никто же можетъ спати. И воину Христову лепо ли есть ленитися? Да егда они за тшую славу и изгыбающую не помнятъ ни жены, ни детей, ни имениа! Да что мною имение, еже есть хуже всего, — но и главы своя ни в что же помнятъ, дабы им непосрамленом быти! Да яко же суть сами временнии, тако и слава их с животом скончается. Нам же не тако. Но аще стерпим, борющеся с супостаты нашими, то, одолевше, примем славу бесконечную и чьсти неизреченныа сподобимся».⁵⁰ Соответственно, христианские писатели должны усерднее прославлять Божие воинство, чем мирские писатели прославляют земное. Этой мыслью открывается Похвальное слово отцам Никейского собора, написанное Кириллом Туровским: «Яко же историци и ветия, рекше летописьцы и песнотворци, прикланяють своя слухи в бывшая межю цесари рати и възпыления, да украсятъ словесы и възвеличатъ мужествовавшая крепко по своему цесари и не давшихъ в брани плещю врагом, и тех славяще, похвалами венчають, колми паче нам лепо есть и хвалу к хвале приложити храбром и великим воеводам Божиим, крепко подвизавъшимся по Сыне Божиим, своему цесари, и Господе нашемъ Иисусе Христе».⁵¹ Образ относится к топике проповеднической литературы, я не вижу оснований предполагать

⁴⁵ Агонические и воинские образы могли выступать в причудливых сочетаниях. См.: Ameringer Th. E. The Stylistic Influence of the Second Sophistic on the Panegyric Sermons of St. John Chrysostom. A Study in Greek Rhetoric. Diss. Washington, 1921. P. 72—74, 78—79.

⁴⁶ Delehaye H. Les passions des martyrs... P. 154.

⁴⁷ Harnack A. *Militia Christi*. Die christliche Religion und der Soldatenstand in den ersten drei Jahrhunderten. Tübingen, 1905 (непечатка — Darmstadt, 1963; in Anhang, S. 131—162; Emonds H. «Geistlicher Kriegsdienst. Der Topos der Militia Spirituales in der antiken Philosophie»); Wang A. Der «miles christianus» im 16. und 17. Jahrhunderts und seine mittelalterliche Tradition: ein Beitrag zum Verhältnis von sprachlicher und graphischer Bildlichkeit. Frankfurt am Main, 1975 (Mikrokosmos. Bd 1).

⁴⁸ Harnack A. *Militia Christi*. S. 92. Cp.: Delehaye H. *Les légendes grecques des saints militaires*. Paris, 1909.

⁴⁹ Freydank D. Die Ermordung Glebs. Variationen eines hagiographischen Themas // *Eikon und Logos. Beiträge zur Erforschung byzantinischer Kulturtraditionen*. Halle, 1981. Bd 1. S. 86 (Martin-Luther Universität Halle-Wittenberg. Wissenschaftliche Beiträge. Bd 35). Противопоставление видимой и духовной брани принес в христианскую литературу Ориген: Harnack A. *Militia Christi*. S. 27—31.

⁵⁰ Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского // ТОДРЛ. М.; Л., 1947. Т. 5. С. 177.

⁵¹ Еремин И. П. Литературное наследие Кирилла Туровского // Там же. 1958. Т. 15. С. 344.

зависимость Кирилла Туровского от вступления к Хронике Георгия Амартола.⁵²

Поставить первым членом сравнения одного из героев Троянской войны было вполне уместно: на Руси, как во всей Европе, они были общеизвестными образцами воинской доблести. Достаточно сказать, что именами Троила и Ахиллеса — вождей, прославившихся под Троей, нарекались отливавшиеся в Москве пушки.⁵³ Агиографический герой сравнивается с Ахиллесом в так называемой особой редакции Жития Александра Невского, сопоставляющей святого князя с другими воителями прошлого — Александром Македонским и Дигенисом Акритом.⁵⁴ Противопоставление чудес Михаила Клопского подвигам Ахиллеса и сыновей Приама мы находим в тучковском Житии.

Таким образом, функция троянских мотивов зависит от контекста, в который они попадают. В историографии они служат символическим прообразом описываемых событий. Задача историографа — указать истинный смысл этих событий в мировой драме. Постижению его помогали перипетии Троянской войны. Осада и гибель Трои отбрасывали на современную историю отблеск вечности. Иная роль отводилась троянским мотивам в памятниках красноречия. Задача риторика — убедить и усладить слушателей, и этому служили не только исторические факты, но и поэтические украшения, в том числе литературные примеры. Проблема достоверности каждого факта утрачивала в новом окружении свою остроту. Подвиги троянских героев служили проповеднику или агиографу удобным фоном для восхваления святого и его христианских добродетелей. Различию функций могло соответствовать использование разных модификаций троянской темы. Так именно обстояло дело в Западной Европе и Византии. Средневековая историография доверилась очевидцам Троянской войны — Диктису и Даресу и отвергла поэмы Гомера, сочиненные в позднейшие времена и приправленные поэтическими вымыслами. Определение своего метода посредством осуждения гомеровской лжи стало общим местом в исторической литературе средних веков.⁵⁵

Латинское средневековье плохо знало Гомера. Иная ситуация сложилась в Византии, где чтение гомеровских поэм составляло обязательный элемент школьной программы, а использование гомеровских цитат и образов было приметой литературного лоска.⁵⁶ За пределами истории гомеровский эпос не только признавался, но и рекомендовался в качестве поэтического образца: «Тому, кто захочет освоить отличнейшую науку, пожелает стать превосходным ритором и пожелает стать географом, и производить переделки и переложения, и, говоря снова то же самое, представлять, что говоришь

⁵² См.: История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. 1. С. 360—361. Напротив, лексические совпадения позволяют утверждать, что цитированным фрагментом воспользовался Фома, автор Похвального слова тверскому князю Борису Александровичу: ПЛДР. Вторая половина XV века. С. 290.

⁵³ Немировский Е. Л. Андрей Чохов (около 1545—1629). М., 1982. С. 61—63, 82—89.

⁵⁴ Begunov Ju. K. Die Vita des Fürsten Aleksandr Nevskij in der Novgoroder Literatur des 15. Jahrhunderts // Zeitschrift für Slawistik. 1971. Bd 16. H. 1. S. 105. Ср. Надгробное слово сербскому деспоту Георгию Бранковичу (1456 г.), где говорится, что победы деспота затмили подвиги Ахиллеса, Самсона и Александра Македонского (Radojičić D. Antologija stare srpske književnosti (XI—XVIII veka). Beograd, 1960. S. 195).

⁵⁵ Пиккио Р. Мотив Трои в «Слове о полку Игореве» // Проблемы изучения культурного наследия. М., 1985. С. 86—99.

⁵⁶ Browning R. Homer in Byzantium // Viator. 1975. Vol. 6. P. 15—33; Bartelink G. J. M. Homerus in de vroegchristelijke geschriften. Nijmegen, [1989]. S. 13—14.

другое, тому Гомера поставим в образец искусства», — таково мнение Иоанна Цеца.⁵⁷ В школьном предисловии к «Одиссее» специально обсуждается вопрос, можно ли доверять гомеровским рассказам, причем делается вывод, что неправдоподобные истории служат тем не менее хорошим моральным уроком.⁵⁸ Мысль о естественном постижении язычниками некоторых божественных истин, теория вторичности греческой философии и литературы по отношению к библейским писаниям,⁵⁹ наконец, аллегорическая интерпретация античной мифологии⁶⁰ — все это способствовало примирению христианских писателей с гомеровским эпосом. Гомеровские реминисценции становятся обычным художественным приемом в греческой духовной литературе, начиная с творений отцов церкви.⁶¹ Нередки они и в памятниках греческой агиографии. Так, в Житии Григория Синаита переживания автора, разлучившегося со старцем, сравниваются с печалью коней, на которых отправился в бой и был убит Патрокл.⁶²

Вместе с христианской культурой славяне восприняли из Византии и некоторые представления о легендарном певце Троянской войны. Они знали, например, что Гомер, наряду с другими древними мудрецами, предсказал чудесное воплощение Спасителя. Изображения языческих пророков, в их числе Гомера, украшали стены православных храмов.⁶³ По некоторым свидетельствам источников можно заключить, что Гомер признавался наставником в поэтической технике. В предисловии Феодосия Грека к переводу «еписistolii» папы Льва I автор высказывает сомнения, достоин ли он братья за перо, ибо «учившимся от млад ногом омирским и риторским книгам таково есть дело».⁶⁴ Много сил было потрачено в поисках источника цитаты, приписанной Гомеру Ипатьевской летописью в рассказе под 1233 г. Повидимому, прав А. Н. Егунов, считающий, что летописец не имел в виду конкретного гомеровского стиха, он сослался на слепого певца как на мастера поэтической речи.⁶⁵

⁵⁷ *Anecdota graeca e mss. bibliothecis Vaticana, Angelica, Barberiniana, Vallicelliana, Medicea, Vindobonensia deprompta edidit...* P. Matrang. Roma, 1850. Vol. 1. P. 118—119. Та же мысль высказывается в предисловии к комментариям Евстафия Фессалоникийского: *Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis Commentarii ad Homeri Iliadem pertinentes*. Curavit M. van der Valk. Lugduni Batavorum, 1971. Vol. 1. P. 2.

⁵⁸ *Anecdota...* Vol. 2. P. 520—524.

⁵⁹ Glockmann G. *Homer in der frühchristlichen Literatur bis Justinus*. Berlin, 1968. S. 154—165 (Texte und Untersuchungen zur Geschichte der altchristlichen Literatur. Bd 105); Bartelink G. J. M. *Homerus...* S. 4—7.

⁶⁰ Об аллегорическом толковании поэм Гомера подробно см.: Buffière F. *Les mythes d'Homère et la pensée grecque*. Paris, 1956; Pépin J. *Mythe et Allégorie. Les origines grecques et les contestations judéo-chrétiennes*. Paris, 1958. P. 85—214.

⁶¹ См., в частности: Buchheit V. *Homer bei Methodios von Olympos* // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1956. N. F. Bd 99. S. 17—36; Bartelink G. J. M. 1) *Homère dans les oeuvres de Théodoret de Cyr* // *Orpheus*. 1981. N. S. T. 2. P. 6—28; 2) *Homer in den Werken des Kyrrillos von Alexandrien* // *Wiener Studien. Zeitschrift für Klassische Philologie und Patristik*. 1983. N. F. Bd 17(96. Bd). S. 62—68. Обзор см.: Bartelink G. J. M. *Homer* // *Reallexikon für Antike und Christentum*. Stuttgart, 1991. (Bd 16). Lieferung 16. Sp. 136—140.

⁶² Житие иже во святых отца нашего Григория Синаита / Издал И. Помяловский. СПб., 1894. С. 38 (Зап. ист.-филол. ф-та имп. С.-Петербург. ун-та. Ч. 35).

⁶³ Буланин Д. М. Античные традиции... С. 54—60.

⁶⁴ Бодянский О. Славяно-русские сочинения в пергаменном сборнике И. Н. Царского // *ЧОИДР*. 1848. Год 3, № 7. С. 4.

⁶⁵ Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII—XIX веков. М.; Л., 1964. С. 12—15. Правильность вывода А. Н. Егунова подтверждается тем, что полиптот со словом «зло» встречается и в других контекстах, не сопровождаемая ссылкой на Гомера. Ср. в той же Ипатьевской летописи (ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 807, 817) и в Словах о злых женах (Титова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе». Исследование и публикация текстов. Новосибирск, 1987. С. 401, 405, 408).

Славяне не знали Гомера в одной только роли — в роли лживого и несерьезного историка. Оппозиция Гомера — изобретателя исторических небылиц и Гомера — виртуоза поэтического искусства не имела для них значения. Один член этой оппозиции отсутствовал: поэмы Гомера остались неизвестны славянской письменности. Отсутствие двойственности в образе слепого певца хорошо прослеживается в текстах, касающихся троянской темы. «История об отцах и страдальцах соловецких» начинается ссылкой на Гомера, хотя троянский сюжет проник туда из «Истории» Гвидо де Колумна. В. М. Тучков утверждает, что в книге «Тройского пленения» древних героев прославляют Гомер и Овидий, между тем как речь идет о той же «Истории» Гвидо де Колумна. Приведенные факты тем более красноречивы, что сицилийский поэт относится к числу наиболее строгих критиков Гомера.

В славянской письменности двоился не гомеровский образ, двоилось восприятие тематики его поэм. Превращение троянской темы из эпизода сакральной истории в риторическое сравнение, украшающее Житие, не прошло бесследно для сочинения Тучкова. Среди рассказов о чудесах святого троянский мотив нуждался в конфессиональной коррекции. Действительно, в Житии Михаила Клопского святой противопоставляется древним воителям не только величием своих подвигов, но и чистотой веры. Как бы ни был храбр Геркулес, пишет агиограф, но он «и в нечестия глубине погружашеся, и тварь паче Творца почиташе»; в нечестии пребывали Ахиллес и дети Приама («еллини суще»). Изъятие троянских героев из контекста исторической были потребовало их религиозной оценки. В рецепции античной древности она стояла для славянских книжников на первом месте. Культура древних греков и римлян как оскверненная идолопоклонством была решительно отвергнута на заре славянской письменности. Отношение к ней не претерпело принципиальных изменений вплоть до XVII в.

Выделив в троянской реминисценции Жития традиционное восприятие античности как языческого нечестия, мы поймем еще одну функцию этой реминисценции. Она была нужна автору для того, чтобы сформулировать свой подход к предмету повествования. В соответствии со средневековыми взглядами на труд писателя как на подвиг благочестия личность автора подвергалась сознательной и целенаправленной стилизации. Писатель мог возвести людям истину лишь в той мере, в какой она открылась ему Всевышним в награду за смирение и благочестие. Их и должна была продемонстрировать авторская топка — набор этикетных формул, представлявших идеализированный образ автора. В одной из этих формул автор декларировал свое невежество в словесных науках, провозглашая тем самым, что его творчество божественного, а не человеческого происхождения.⁶⁶ Образцом для христианских писателей служило заявление апостола Павла во 2-м Послании к Коринфянам: «Аще бо и невежда словом, но не разумом» (11, 6). Не обошелся без декларации невежества и В. М. Тучков, завершивший традиционное предисловие к Житию такими словами: «Что же реку, и что възглаголю, и како началу слова коснуся, разума нищетою обьяту ми сущу? Ниже риторикии навькшу, ни философии учену когда, ниже паки софистикии прочетшу, но на единого всемогущаго Бога възложих надежу, могущаго немудрѣя

⁶⁶ Примеры декларации невежества см.: Буланин Д. М. 1) Некоторые трудности изучения биографии древнерусских писателей // РЛ. 1980. № 3. С. 138—140; 2) Несколько параллелей... С. 103—104; Успенский Б. А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси (XVI—XVII вв.) // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 208—214. Подробно см.: Picchio R. The Impact of Ecclesiastic Culture on Old Russian Literary Techniques // Medieval Russian Culture. Berkeley; Los Angeles; London, 1984. P. 247—279 (California Slavic Studies. T. 12).

умудрити». ⁶⁷ В другом композиционно маркированном месте — перед рассказом о чудесах автор повторяет в общей форме ту же мысль. Неведомые ему словесные науки, оказывается, и не нужны агнографу, человеческое искусство не способно адекватно поведать о святом, чудеса которого своею славой заставляют умолкнуть риторы: «Толика бо приемлют въздаяния святии противу трудолюбнаго и жестокаго их жития, яко вселенней всей тех чюдеса на языци обыносити и самим царем удивлятися, ветиям же и риторьская словеса разумевающим устне дланию закрывати». ⁶⁸

Как большая часть древнерусских формул авторской топики, декларативное отречение от словесных наук восходит к византийским образцам. Византия же, законная наследница античной культуры, усвоила формулу невежества из древних пособий по красноречию. Наигранная поза неуча входила в серию самоуничижительных характеристик, которые помогали оратору завоевать симпатии аудитории. В панегирической речи эти характеристики подчеркивали дистанцию между оратором и предметом восхваления и поднимали этот последний на недостижимую высоту. Позднеантичный риторический трактат Менаандра рекомендовал оратору сравнить прославляемого героя с безбрежным морем, которое не охватить взглядом, сказать, что воздавать ему хвалу пристало Гомеру, Орфею и Музам. ⁶⁹ Э. Курциус проследил судьбу «самоуничижительного заявления», в том числе декларации невежества, в латинской средневековой литературе. ⁷⁰ Однако он явно недооценивал переосмысление риторического приема под влиянием новых христианских ценностей. Приходится учитывать, что на латинском Западе не было того разрыва между языческим образованием и христианской культурой, который имел место в Византии. В христианской империи языческая школа была инородным элементом, и это хорошо осознавали средневековые греки. В декларации невежества писатель отмежевывался от наук, изобретенных язычниками, — грамматики, риторики, диалектики. Тем самым декларация примыкала к другим образам, противопоставлявшим христианское искусство языческому. ⁷¹ Характерно во всяком случае, что заявления, изымающие данное сочинение из компетенции классической риторики, часто встречаются в византийской духовной письменности. Симеон Новый Богослов восклицает:

Устыдись, мудрость мудрецов,
Поистине лишенная знания.
Ведь простота наших речей
На деле обладает истинной мудростью.

(«Гимны», IX, 44—47)

В Слове на перенесение мощей патриарха Афанасия (1330-е гг.) Феоктист Студит противопоставляет свое сочинение творениям логографов, злоупотребляющих риторическим искусством и приукрашающих предмет описания. ⁷² Декларативный характер подобных заявлений совершенно

⁶⁷ Повести о житии... С. 144.

⁶⁸ Там же. С. 161.

⁶⁹ Walz Ch. *Rhetores graeci*. Stuttgartiae et Tubingae; Londini; Lutetiae, 1836. Vol. 9. P. 214—215.

⁷⁰ Curtius E. R. *Europäische Literatur und Lateinisches Mittelalter*. 10. Aufl. Bern; München, 1984, S. 93—95, 410—415.

⁷¹ Один из этих образов — отвержение Муз, древних покровительниц поэзии, подробно рассмотрен в кн.: Curtius E. R. *Europäische Literatur*... S. 235—252.

⁷² Talbot A.-M. *Faith Healing in Late Byzantium. The Posthumous Miracles of the Patriarch Athanasios I of Constantinople by Theoktistos the Stoudite*. Brookline, 1983. P. 86 (Archbishop Iakovos Library of Ecclesiastical and Historical Sources. № 8).

очевиден, потому что большинство византийских писателей прекрасно ориентировалось в словесных науках, изучавшихся в греческой школе.

В славянской письменности формула невежества поворачивалась новыми гранями. Ведь Тучков и другие авторы, повторявшие формулу, на самом деле не имели возможности выучиться ни грамматике, ни риторике, ни философии. Интенсивно воспринимая христианскую культуру Византии, славянские народы категорически отвергли византийскую систему образования. В культивировавшихся византийской школой языческих науках они усмотрели враждебное христианству начало. Блюдя чистоту своей веры, новообращенные вынуждены были отказаться от организации школы классического типа — единственной, которая была в Византии. Отсутствие правильного школьного образования — примечательная особенность древнеславянской цивилизации.⁷³ Проецируя использованную Тучковым формулу невежества на московскую действительность XVI в., мы видим, что она наполняется резким полемическим звучанием. Она не только удостоверяет благочестие автора, демонстрируя его непричастность суетным человеческим наукам. Она отделяет его от эллинов-язычников, изобретших эти науки, и тем самым акцентирует внимание на конфессиональной благонадежности сочинителя. Примечательно, что в славянских текстах формула обогащается специальным «афинским» элементом — заявлением автора, что он не бывал в Афинах и не вкусил тамошней мудрости. История «афинского» топоса убеждает, что Афины используются в данном случае как символ языческой образованности.⁷⁴

Антиязыческий пафос, который приобретает декларация невежества в контексте славянской культуры, по-новому освещает и троянскую реминисценцию Жития Михаила Клопского. Мы вправе соотнести ее с отречением автора от словесных наук, которое агиограф поместил в предисловии, и с заявлением о бессилии риториков, которым открывается рассказ о чудесах. Провозгласив в начале Жития свою непричастность языческой мудрости («ниже риторикии навькшу, ни философии учену когда, ниже паки софистикию прочетшу»), Тучков приступает к работе, уповав только на помощь Бога («на единого всемогущаго Бога възложих надежу»). Это, по убеждению автора, единственный способ создать достойное подвижника произведение, ибо слава о его чудесах превосходит доступные риторам средства украшения речи («ветиям же и риторьская словеса разумевающим устне дланию закрывати»). Если язычники, продолжает писатель, превозносят троянских героев, тоже язычников («еллини суще и от еллин похваляеми»), за одни только воинские подвиги («единыя ради буйственныя храбрости»), христиане должны еще больше усердствовать в прославлении святых, которым слагают хвалы не одни люди, но и ангелы («не токмо человеком, но и аггелом сих почитающим и славящим»). Троянский мотив включается в систему противопоставлений языческого мира с его сочинителями, кичащимися никчемными человеческими знаниями, и христианского мира, в котором писатель черпает вдохновение из божественных источников.

Каков же смысл троянской реминисценции в Житии Михаила Клопского? Ко времени его написания в Московском государстве наблюдаются первые симптомы нового отношения к античному наследию, которое прежние поколения книжников однозначно отождествляли с языческим нечестием. Сопоставив чудеса святого с подвигами троянских героев и проявив тем самым свою образованность, Тучков обнаружил известную широту взглядов. Тем не менее источник троянского мотива и его функция в Житии — все ука-

⁷³ Буланин Д. М. Античные традиции... С. 266—272.

⁷⁴ Там же. С. 224—248.

зывает на зависимость писателя от предшествующей рецепции античности. В «Истории» Гвидо де Колумна — источнике агиографа мифологический сюжет приземлялся и в таком виде становился необходимой частью мировой истории; он использовался русскими историографами для осмысления современных событий. Прибегнув к традиционному в агиографии сравнению святого и воина, Тучков перенес исторический мотив в новое окружение. Изъятая из привычного контекста, троянская реминисценция восстанавливает свое религиозное содержание, одиозное для славянского средневековья. Так сопоставление древних воителей и святого перерастает в их противопоставление по конфессиональному признаку. Воскрешенный в троянской теме религиозный аспект связал ее с авторской топикой Жития Михаила Клопского, посредством которой составитель определял свое отношение к предмету повествования. Получался двойной параллелизм: нечестивые троянские герои так же противостоят христианскому подвижнику, как прославляющие этих героев риторы противостоят христианским панегиристам. Одни прибегают к суетным человеческим наукам, рукой вторых водит божественная мудрость.